

М.Я. Штейнер-Сиверс

Предисловие к циклу "О сознании посвященного"

В этом последнем, читанном за границей Рудольфом Штейнером цикле докладов, уже заложено прощание его с земной деятельностью. Кто возвещает современности нечто подобное, тот уже оторвался от нее во времени. Но путем этого внутреннего распятия одного - человечеству создана твердая почва, на которой оно может духовно идти дальше, предупрежденное и охраняемое от опасностей мира подсознательного.

Наука стучится в двери внечувственного, делая бреши в великое царство невидимых, чувственно не воспринимаемых сил; эти последние нуждаются лишь в медиуме для того, чтобы проникнуть в земной мир и овладеть также и нами.

Как охранить себя от неожиданностей, пленения и заблуждения? Нам необходимо знание, которое может служить факелом в этом темном царстве неизвестного. Ныне всякий разумный человек уже не может отрицать воздействий, притекающих из этих неисследованных пограничных нам областей. Будем же иметь дерзновение и пойдем вслед за строгим исследователем, давшим нам доказательства своего призвания: он овладел всем вооружением современного знания! Только невежество и упорство в закоснелых привычках мышления могут этому еще сопротивляться.

Последнее поколение ученых нашего столь "просвещенного века", склонных подсмеиваться над "темным суеверием" ранних эпох, уже отмирает. Близятся представители XX века, хотя и страдающего от сильного, - но на иной лад настроенного, высокомерия. Вследствие этого они подпадают новым ошибкам. И чем более они самосознательны, тем более нуждаются в учителе, чья мудрость и знание превосходят и превосмогают их знания.

Эта книга предназначена для тех, для кого Ignorabimus не является уже непреодолимым барьером; которых более не останавливают Кантовские границы познания; книга эта для тех, кто смиренно и с робким благоговением готов предстать перед все более и более просветляющейся загадкой, снисходящей к нам из духовного мира. Эта загадка обращена уже не к вере, а к сознанию человека. Вера, от которой требовали отказа от знания, не может быть больше почвой для достижения сверхчувственного. Но разум наш может идти с нею вместе, здраво следуя за мышлением, которое становится все более свободным и, все более расширяясь, просвещается.

Мыслитель в Рудольфе Штейнере, острый, непреложно ясный и логический мыслитель, - предназначил его для этой мировой задачи, представляющей собою процесс алхимии, процесс превращения человеческого душевного существа. Это душевное существо восстанавливает взаимодействие духа и тела после состояния некоторого помрачения, в котором находится со стороны телесного; оно было ограблено в благороднейших своих органах и воссоздает их заново из земных сил путем преображения земного. Происходит также и метаморфоза, выполняемая силами «Я», которое доселе прочувствовало себя лишь смутно в тюрьме физического тела. Погруженное в свое собственное особое сознание, «Я» сперва не хочет от него отделяться и предается иллюзии будь-то оно состоит замкнутым в своей обособленности. Из этой обособленности для него и истекает все его горе и мучение. Однако оно не переживается им чувственным образом в той мере, чтобы придти к действительному осознанию самого себя.

В борьбе с мировыми загадками, в круговращении мыслей и продвигаясь вперед подобно Фаусту, - «Я» заходит так далеко, что прорывает границы чувственного и воспринимает из

глубины мировой бездны звучащие ему навстречу отголоски. И вот стоит это «Я» перед глупцам, еще обремененным земным, проникнутым страстями, непросветленным, нечистым в мыслях и в чувствах. Тут к нему приближается искушитель, к каждому человеку по новому, всегда подобным образом и все же различно. Он ведет сначала легкую игру - он своих людей знает, ведь каждый подобен один другому, - лишь в движении времени меняются они, сообразно зрелости, которую дает им сумма их земных жизней. И, если в одно и то же мгновение каждый не похож один на другого, то это есть во всяком случае "тринадцатый". Ибо в двенадцатом замыкается круг. Но этот круг постоянно прорывается, даже тогда, когда степень его зрелости относительно уже высока, как бы по железной необходимости судьбы, через предателя, для того, чтобы в этом взрыве круг перешел в спираль, увлекая за собой человечество.

Так, карабкаясь, постепенно поднимается человечество вслед за Фаустовским человеком - «Я».

Поэты и мыслители связали это восхождение в образ, слово и действие. На их созданиях человечество учится идти все далее и процесс проясняется до сознания устремленного мышления человечества. Жизненно существенный мир чувств умирает подобно растительному миру и становится постепенно шлаком; затем, через тонкий процесс отвердевания - углем, который, в процессе все более усиливающейся кристаллизации и очищения становится наконец сверкающим бриллиантом. В камне и в растительном существе, которое ему предшествовало, лежала однако та искра, которая обусловила эту алхимию.

В человеке также лежит заложенной искра, которая вернет ему его звездное бытие.

Эта искра - есть его «Я», - и Мир и Земля, - страдая и мучаясь, должны возжигать ее, пока сияющую родину - ее источник, не познает человек. Тогда он сам построит себе ведущие ступени из воли, затвердевшей в познании; из сознания, пропитанного волею. Они приведут его обратно в мир света.

Эти ступени познания для него как бы перекладыны лестницы, Сознание соединяет их. Путь должен указать ему Руководитель, тот, кто прошел этим путем ранее и проложил его для других.

Тот, кто построил эти ступени, чьи созидательные силы могут изливаться в духовное человеческое стремление и устремление, должен был, пройдя через многие жизни - установить в себе настолько связь с божественным, что мог стать орудием божественной воли. И он может служить этим орудием для новой фазы человеческого духовного развития и затем передать человечество его свободе.

В этой дерзновенной книге указаны крутые, но верные пути, спасающие от падения восходящего, если только он захочет придерживаться их, не уклоняясь ни вправо, ни влево. И направо и налево стоит искушитель, завлекающий в смутные дали, приковывающий к Земле. Поэт попробовал дать этот образ в духовной фигуре Мефистофеля; он, как мудрец, точно различил обе силы, задерживающие восхождение, и дал нам их дифференциацию. Познавая и переживая их в образе, мы достигаем - проходя мимо и минуя их - к представителю человечества, ко Христу. Ибо Он, сделав Себя подобным нам, создал этим возможность, - несмотря на наше погружение в материю, - воспринять нас снова в Себе и оставил нам свой дух, дабы через Него поднимать нас все выше, пока мы, уже знающими, сможем сами идти духовными путями.

Время настало вступить на эти пути.

Вскоре минуют две тысячи лет как длится устремление человечества; последнее в них столетие должно принести нам крепкое мужество и дать окончательный толчок, ибо средства для того у нас в руках. Светлый путь, ведущий к цели, проложен в глубине душевного леса материализма. Нам более не нужны увлекающие нас блуждания в лабиринтах, из которых невозможен никакой безопасный исход.

В указаниях этой книги открыты опасности, которые возможно избежать и обойти при доброй воле и ясном мышлении, тут нам рисуется духовный мир в его конкретности, в его дифференциации, в его этапах; то, что входит в наш земной мир из его глубоких, таинственных областей, показано нам так, что по симптомам и выявлению их мы можем проверить его деятельность. Охватывая духовный мир здоровым, но внутренне подвижным мышлением, мы ощущаем как то, что сияет нам навстречу из высших миров, освобождает в нас новые, зачаточные органы.

Дело жизни, оставленное нам Рудольфом Штейнером, является еще и с другой точки зрения поворотным пунктом. До сих пор человек, когда желал идти путями, ведущими к живому постижению духовного мира, не мог обойтись без опекающего, действующего индивидуально водителя. Рудольф Штейнер свою духовную работу для общего прогресса всего человечества начал своим трудом "Философия свободы". Это был зов к пробуждению новой эры: основной тон был дан, дальнейшее развитие которого стало делом жизни Рудольфа Штейнера. Ничто так не трудно, как привести человечество к пониманию и к любви истинной свободы. Люциферическое стремление к свободе мы обычно встречаем часто: свобода в своеволии, жажда свободы в страсти, во власти, в насилии над другими душами,- все это выставляется как воля к свободе. Но истинная, высшая свобода, проявляющаяся в выработке чувства ответственности, чистоте в восприятии и ощущении собственного высшего «Я» и «Я» других,- такая свобода встречается редко. Понимание этого пробуждается сперва в медленной, настойчивой бескорыстной работе. Религиозные, стремящиеся к мистике люди, в большинстве люди чувства, требуют опоры, требуют исповедника, который снял бы с них ответственность за их дела, требуют советчика и водителя. Воспитать человека с чувством ответственности за себя является на сегодня труднейшей работой, которая из людей фанатиков, желающих служить делу - легко делает врагов. Оттого никто охотно не берет этой судьбы с ее последствиями на себя; любвеобильного почитателя охотно не воспитают себе в противника.

Рудольф Штейнер в любви своей к человеку пошел далее всего, ибо и в знании пошел далее всего; он не отпрянул, не остановился, когда это представилось необходимым и спасительным для другого. На этой почве выросли для него горчайшие враждебности.

Воспитание души в незнании истинной свободы Рудольф Штейнер соединил с заботливой предусмотрительностью эзотерического Учителя, который прозревает соотношения судеб ученика и хочет облегчить ему скорейший духовный подъем. Таким образом, он связывал наставление в реальной духовной жизни с воспитанием к свободе.

Его громадная общечеловеческая задача пала на время сильнейших человеческих исторических потрясений. Мировая война вспыхнула,- вспыхнул, как выражались - тот мир, который привел в шаткость твердое основание государств политически, социально или экономически, душевная жизнь людей также была потрясена в своих основаниях как у старого, так и молодого. Кровью 14 миллионов людей прошедшее было смыто.

Ведь кровь есть совсем особый сок!

Переживание этих, в большинстве юных и еще сильно привязанных к земному телу душ, которые в век глубочайшего материализма внезапно и в страхе должны были отойти от Земли - такое переживание является действенной силой, действенной более, нежели когда душа оставалась бы еще внутри телесной оболочки. Эта сила устремляется внутрь, в наши судьбы, определяюще и импонирующе и требует нашего пробуждения.

Почти каждому из нас стоят близко вырванные войною умершие, которые нуждаются в нашем знании и нашей помощи для собственного дальнейшего следования.

Они не могли еще достигнуть знания, которое ныне дано нам в такой богатой полноте. И потому мы должны сделаться самостоятельными в достижении духовного, чтобы помочь им новым мышлением, которое знает опасности и цели и может различать правые и ложные пути.

Кто дерзнул бы руководить после Рудольфа Штейнера, вести к духу? Ведь тут имеется все; оно должно быть только развито в свободе и в познании. - Кто посмел бы дать иные наставления как не указание на его слова? слова, в которых сокрыта богатейшая жизнь и зерно всяческой правды? Это было бы дерзостью и непониманием. Крохами, которые падают от этого стола, каждый может стать богатым и насытить своих братьев. Продолжателем итога дела можно стать лишь в том смысле, чтобы открыть сокровища, к которым даны ключи. Если бы кто подумал, что может продолжить дело там, где Рудольф Штейнер его прервал - показал бы лишь свое ослепление. Данное Рудольфом Штейнером хватит человечеству на тысячелетия; оно поставило его зрячим перед вечными ценностями и вызвало к сознательной жизни силы, преобразующие человеческое существо.

Найти для этой книги иные руководящие слова было бы мне невозможно. Они показались мне слишком малыми. Из этой книги говорит Потустороннее и Вечность и лишь в этот знак могла я ее поставить.